

**Дополнительность контекстов
как методологический принцип психологии**

© 2021 г. А.А. Вербицкий^{1*}, В.Г. Калашников^{2**}

¹ *Московский педагогический государственный университет,
Москва, 119991, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.*

² *Стерлитамакский филиал БашГУ,
Стерлитамак, 453103, пр. Ленина, д. 49.*

* *E-mail: asson1@rambler.ru*

** *E-mail: transmeta1@yandex.ru*

Поступила 29.06.2020

В статье предлагается вариант решения методологического кризиса современной психологической науки и практики с помощью методологии контекстного подхода. Для обеспечения нередуктивного сочетания взаимопроверчивых психологических концепций предлагается использовать опору на принцип дополнительности. Применение этого принципа к описанию самого феномена контекста позволяет представить его и как статичную структуру (семантическое поле), и как динамический процесс (семантизации содержаний психики). Дополнительными являются также описания контекста в качестве психического феномена и в качестве эпистемологического условия исследования. В этой связи можно выделить широкий (социокультурные условия) и узкий (методология познания) контексты научного исследования. При этом предлагается все описания предмета исследования в различных контекстах рассматривать не как полнообъемные, а как описывающие данный объект лишь частично. Комбинация описаний психического явления, полученных в дополнительных контекстах, обеспечивает охват разноуровневых и разнотипных его представлений в единой многомерной системе психологического знания.

Ключевые слова: контекст, контекстный подход, принцип дополнительности, психология, методология науки, эпистемология, эпистемологический контекстуализм.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-4-179-190

Цитирование: *Вербицкий А.А., Калашников В.Г. Дополнительность контекстов как методологический принцип психологии // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 179–190.*

Complementarity of Contexts As a Methodological Principle of Psychology

© 2021 Andrej A. Verbitsky^{1*}, Vitalij G. Kalashnikov^{2**}

¹ Moscow State Pedagogical University,
1, bld. 1, Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119991, Russian Federation.

² Sterlitamak branch of Bashkir State University,
49, Lenin ave., Sterlitamak, 453103, Russian Federation.

* E-mail: asson1@rambler.ru

** E-mail: transmetal@yandex.ru

Received 29.06.2020

The article proposes a solution to the methodological crisis of modern psychological science and practice using the methodology of the contextual approach. To ensure a combination of conflicting psychological concepts without their mutual reduction, it is proposed to use support on the principle of complementarity. The application of this principle to the description of the phenomenon of context itself allows us to present it both as a static structure (semantic field) and as a dynamic process (semantization of mental contents). Additional are also the description of the context as a mental phenomenon and as an epistemological study. In this regard, we can distinguish the broad (sociocultural conditions) and narrow (methodology of cognition) contexts of scientific research. It is proposed that all descriptions of the subject of research in various contexts be considered not as full-volume, but as describing a given object only partially. The combination of descriptions of the psychic phenomenon obtained in additional contexts provides coverage of different levels and types of its representations in a single multidimensional system of psychological knowledge.

Keywords: a context, contextual approach, complementarity principle, psychology, methodology of science, epistemology, epistemic contextualism.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-4-179-190

Citation: Verbitsky, Andrej A., Kalashnikov, Vitalij G. (2021) "Complementarity of Contexts As a Methodological Principle of Psychology", *Voprosy Filosofii*, Vol. 4 (2021), pp. 179–190.

В настоящее время многие исследователи констатируют наличие методологического кризиса в психологической науке. При этом появляющиеся в философии и методологии науки новые представления разделяются далеко не всеми учеными и практиками. Вследствие этого весь прошлый век нарастало разделение психологии на многочисленные частные области, служащие (согласно Р. Барту, М. Фуко, В. Сосланду) не столько для поиска истины, сколько для демонстрации – посредством специфического дискурса – власти определенных персон или групп исследователей и практиков. Поэтому сегодня можно констатировать уже не кризис психологии, а *кризис различных психологий*, поскольку психология развивается не «в ствол», а «в куст» [Асмолов, Гусельцева 2015, 10]. Как справедливо утверждает Дж. Мартин, «наиболее общий вывод по результатам всех психологических исследований состоит в том, что их результаты невозможно обобщить» [Martin 1996, 4]. Отсюда возникает «риск взаимной слепоты», «научного сектанства» (А.Г. Асмолов) представителей разных научных школ и подходов, что мы зачастую и наблюдаем. В этих условиях многие

отечественные исследователи и методологи психологии (В.М. Аллахвердов, Б.Г. Аняев, А.Г. Асмолов, В.А. Барабанщиков, Ф.Е. Василиук, М.С. Гусельцева, Б.Ф. Ломов, В.А. Мазиллов, Е.Е. Соколова, А.В. Юревич и др.) наиболее актуальной задачей психологической науки называют *интеграцию накопленного знания*.

Вопреки мнению Р. Макинтайра о психологии как *допарадигмальной* науке, в которой единые стандарты еще сложатся [Macintyre 1985], многие отечественные исследователи обоснованно утверждают, что психология в принципе является *полисистемной, полипарадигмальной, полипредметной* наукой, в которой сам предмет исследования конструируется по-разному в сложном конгломерате разнородных методов и подходов. См. [Асмолов, Гусельцева 2015; Барабанщиков 2007; Гальперин 1976; Корнилова, Смирнов 2006; Завершнева 2004; Петренко 2005; Чеснокова 2014].

Существующие в психологической науке антиномии и оппозиции являются результатом следования ученых нормам классической и неклассической науки (В.С. Стёпин), построенных на логике Аристотеля. Она постулирует невозможность противоречивых высказываний о единичном объекте. Однако наука и логика уже к началу XX в. пришли к выводу не только о возможности, но и о необходимости таких взаимопротиворечивых описаний изучаемого объекта для достижения полноты знания о нем. Наиболее ярко это проявилось в физике – в *принципе дополнительности* описания изучаемого объекта (Н. Бор).

Необходимо особо подчеркнуть, что Н. Бор сформулировал принцип дополнительности не только для решения конкретного вопроса о корпускулярно-волновом дуализме в описании феномена светового излучения. Н. Бор указывал на необходимость дополнительности в исследовании социокультурных объектов [Бор 1961, 147] и, в частности, предложил использовать этот принцип применительно к психологическим исследованиям [Бор 1971, 398]. В том, что методологическое значение принципа дополнительности выходит за рамки теоретической физики, с ним сразу же согласились и другие выдающиеся исследователи – М. Борн, В. Паули, В. Гейзенберг.

Во второй половине прошлого века познавательная установка дополнительности описаний изучаемого объекта действительно превратилась в общенаучный методологический принцип. В конце XX – начале XXI в. появилось множество работ, посвященных применению принципа дополнительности в самых различных сферах познания – в химии, географии, биологии, экологии, социологии, культурологии, литературоведении, истории, теологии, психологии, педагогике, экономике. В частности, в психологии многие отечественные исследователи (А.Г. Асмолов, В.П. Зинченко, М.С. Каган, В.А. Лефевр, В.В. Никандров, А.А. Пузырей, М.А. Розов, В.С. Ротенберг, И.М. Фейгенберг, В.Н. Цапкин, А.Е. Шерозия, А.М. Эткинд) обосновывали дополнительность в психике сознания и бессознательного, объективного и субъективного, физиологического и идеального.

Однако пришла пора применить этот принцип и к самому методологическому аппарату психологического исследования. Чтобы обобщение разнородного знания не превращалось в «коллекционерский подход» (А.В. Петровский), необходимо задать основание для упорядочивания имеющихся знаний об этом объекте. В качестве такого основания можно рассматривать *комплекс контекстов*, в которых и порождается психологическое знание.

Изначально контекстный подход зародился и развивался в нашей стране как методология знаково-контекстного образования [Вербицкий 1987; Вербицкий 1991] еще в последней четверти прошлого века. На его основе возникла соответствующая научная школа (А.А. Вербицкий, Т.Д. Дубовицкая, Н.В. Жукова, М.Д. Ильязова, В.Г. Калашников, И.Н. Рассказова, О.А. Шевченко, О.И. Щербакова и др.). Основой контекстного подхода выступает понятие «контекст», которое рассматривается в качестве одной из базовых научных категорий психологии [Вербицкий 2005; Вербицкий, Калашников 2010; Калашников 2019], о чем впервые было заявлено А.А. Вербицким еще в начале 80-х гг. прошлого столетия [Психология... 1981].

В результате проведенного анализа мы пришли к пониманию, что в психологическом осмыслении контекст приставляет собой теоретический конструкт, описывающий

психический процесс, который обеспечивает семантическую функцию означивания и осмысления воспринимаемых человеком объектов. В этой роли контекст представляет собой *функциональный орган психики* (А.А. Ухтомский), порождающий за счет трансформации имеющихся у субъекта семантических полей новое, *оказиональное семантическое поле*.

При понимании контекста как семантического процесса его традиционная лингвистическая трактовка (как «фрагмента текста») представляет собой *реификацию*, то есть опредмечивание психического процесса (от лат. *res* – «вещь»). Все же сферы, традиционно называемые «контекст», – от фрагментов текста до социокультурных норм и материальных объектов – при таком понимании предстают как проекция, экстериоризация психического процесса взаимодействия семантических полей. Таким образом, уже в этом анализе налицо дополнительность описания феномена контекста как *структуры* (семантического поля) и как *процесса* (семантизации некоторого психического объекта). Кроме того, взаимодополнительными являются описание представление контекста в качестве *когнитивного семиотического механизма*, с одной стороны, и *методологическая* трактовка понятия «контекст» – с другой.

Как было отмечено, в современной философии выработан специфический *контекстуальный подход* к пониманию истины (Г. Фон Вригт, Дж. Дьюи, Д. Дэвидсон, П. Коэн, У. Куайн, Д. Льюис, П. Унгер, Т. Хоган). В.Н. Порус (солидаризуясь в этом с И.Т. Касавиным) отмечает, что контекстуализм в философии – это не определенное четко, метафорическое выражение, указывающее на влияние условий познавательного действия на его результат – оценку истинности полученного знания.

Соответственно, «эпистемологический контекстуализм предполагает типологизацию различных контекстов познавательной деятельности. Она может быть рассмотрена в лингвистическом и герменевтическом, историко-культурном, психологическом и социально-психологическом и др. контекстах» [Порус 2018, 79]. В этой связи Ю.А. Лисина указывает на различие подходов англо-американской логики, более ориентированной на интрапсихические и коммуникативные контексты, и континентальной европейской науки, которая при обсуждении вопросов порождения достоверного знания принимала во внимание также и более общие культурные контексты – социальный и исторический [Лисина 2008, 29].

Уже в начале прошлого века возникло стремление исследователей к *историзации эпистемологии* – исследованию того исторически сложившегося социокультурного контекста, в котором стало возможно то или иное научное открытие (Дж. Агацци, Э. Гуссерль, Э. Кассирер, А. Коире, Э. Мейерсон, Р. Мертон). Спустя век такая постановка вопроса остается по-прежнему актуальной. Так, П. Гэлисон в статье «Десять проблем в истории и философии науки» (2008) первой из них называет *проблему контекста*, относя к нему и тексты современников изучаемого исследователя, и различное нетекстовое окружение научного процесса – политическое, идеологическое, институциональное [Galison 2008]. Помимо такого широкого социокультурного контекста К. Кнорр-Цетина акцентирует социальную сконструированность научного знания и обусловленность его производства микросоциальным контекстом отношений в конкретном исследовательском коллективе; оформляя результат, ученый деконтекстуализирует исходное знание [Knorr-Cetina 1981, 7–11].

Имеются и исследования, которые рассматривают научное познание уже не в социальном, а в интрапсихическом контексте. Так, в современной аналитической эпистемологии существует концепция *атрибуторного контекстуализма*, исследующая относительность стандартов оценки знания и условий атрибутирования знания субъекту. Обобщая и развивая методологию аналитического контекстуализма, И.П. Тарасов в своем исследовании продемонстрировал, что «контекстуальность истинностного высказывания есть индексация, корреляция, семантическая соотнесенность высказывания по времени с ситуацией высказывания» [Тарасов 2010, 15].

Согласно М. Брэди и Д. Притчарду, этот подход рассматривает порождение знания либо в контексте *когнитивной деятельности субъекта*, либо в контексте *речевой*

ситуации, в которой проявляются интенциональные и рефлексивные установки субъекта познания («атрибутора») [Brady, Pritchard 2005]. Следовательно, как отмечает А.В. Галухин, для «удостоверения обладания знанием» необходимо исследование контекста – не только когнитивной ситуации, но целостной дискурсивной ситуации, которая может быть реализована как в форме обыденного общения, так и в философско-критической форме [Галухин 2014]. Тем самым в анализ вовлекаются контексты interpersonalной коммуникативной ситуации, а также внутриспсихической активности исследователя.

В современной логике *эпистемологический контекстуализм* стал ответом на *эпистемологический скептицизм*, настаивающий на невозможности доказать, что знания человека о мире не являются иллюзией. Решение этого парадокса предложил К. Де-Роз, который разграничил два контекста: *обыденный* – восприятие объекта на основе доверия органам чувств и *скептический* – восприятие объекта, основанное на недоверии к сенсорным данным и опосредованное концептуально [DeRose 1999]. Именно второй контекст задает критерий научности получаемого результата, но он также нуждается в конкретизации.

При этом не все социокультурные контексты исследования осознаются самими учеными. Так, Е.З. Мирская и М.М. Шульман ввели понятие *латентной социальной детерминации*, понимая под этим «интериоризированные экстерналиные влияния» – как общее социокультурное воздействие, так и воздействие научной школы, к которой принадлежит исследователь [Мирская, Шульман 1982]. Можно сказать, что здесь уже намечены как социальный, так и эпистемологический контексты научного познания, причем социальный контекст справедливо отнесен к скрытому, нерелексируемому исследователем, в отличие от явных и осознаваемых им требований научной дисциплины к методологии исследования.

Обобщающим образом Л.А. Маркова полагает, что сам «ученый с его личностными характеристиками и исследовательской деятельностью является чем-то вроде контекста, который необходим для производства знания, но всегда остается за его пределами, никак логически с ним не связан» [Маркова 2010, 47]. Поэтому, по ее мнению, необходима деконтекстуализация научного результата и от влияния социопсихического контекста, и от влияния контекста природы как материальной системы [Там же, 48]. Однако далеко не все такие контексты возможно исключить без разрушения самого результата (например, когнитивные ограничения человеческой психики и принятые в данном сообществе исследовательские процедуры, способы объяснения). Следовательно, необходимо изучение и упорядочение этих контекстов, что позволяет более точно определить границы применимости исследовательского результата. В еще более широком жизненном плане «история науки – всей науки, а не только гуманитарной, – движется в определенных экзистенциальных контекстах, поэтому, говоря об истории идей, всегда необходимо учитывать судьбу (трагическую или счастливую) их носителей» [Зинченко, Пружинин, Щедрина 2010, 140].

Можно отметить, что самый общий перечень различных социальных и психологических контекстов содержится в работе В.Н. Поруса [Порус 2018], который анализирует *исторический контекст* – многофакторное некумулятивное развитие науки, *социальный и психологический контекст* – влияние психологических особенностей человека и группы на их научную деятельность, *коммуникативный контекст* – формы и нормы научной коммуникации, *асиологический контекст* – ценностно-мотивационные регулятивы исследования.

Все перечисленное выше – от политических и экономических до биографических и индивидуально-типологических факторов научной деятельности ученого – суть указания на *широкий (социальный) контекст* научной деятельности, который в реальном научном исследовании всегда существует в его интрапсихической представленности как контекст деятельности данного субъекта познания.

Кроме анализа социопсихических контекстов исследователи науки уже в первой половине XX в. обратили внимание и на особенности самого эпистемологического

процесса, влияющие на получаемый научный результат. В частности, Г. Рейхенбах в описании процесса научного познания ввел понятие контекста, выделяя два его вида. «Контекст открытия» – это динамическая ситуация открытия научных законов и формирования теорий, «контекст обоснования» – это описание процесса доказательств и обоснования научного знания [Reichenbach 1961, 6–7].

Данные контексты предстают как разные способы интерпретации исследователем научной реальности (фактов, данных опыта). Контекст открытия как *дескриптивный* (эмпирический, описательный, априорный) содержит описание реальной последовательности событий, а контекст обоснования как *нормативный* (логический, структурный, апостериорный) предполагает логическое упорядочение (реконструкцию) этого процесса в соответствии с нормами доказательности. При этом Г. Рейхенбах исключал различные исторические и социальные факторы, считая их несущественными в порождении научного открытия, тем самым ограничивая контекст научного познания исключительно его внутренними «технологическими» процессами (методологией).

В том же духе Б. Латур при анализе развития научного познания полагает недостаточной апелляцию к социальному контексту и предлагает сконцентрироваться на лабораторных практиках исследования, чтобы преодолеть «противопоставление контекста и контента» – социального влияния и получаемых научных результатов [Латур, 2002]. Такое понимание можно назвать *узким (эпистемическим) контекстом* научной деятельности. Этот контекст определяет степень причастности данного действия или данного факта к науке, задает *критерий научности*.

Очевидно, что ни одна парадигма или исследовательская программа по определению не являются носителями абсолютной истины, вследствие чего возникает вопрос о возможности их соотношения между собой. Первым о необходимости сочетания данных разных наук для познания истины в ее полноте заявил Р. Декарт в методологическом труде «Правила для руководства ума». С тех пор это положение стало только актуальнее. Поскольку разные исследователи ставят изучаемое психическое явление в различные теоретико-методологические контексты, то полнообъемная картина данного явления может быть образована лишь посредством дополнительности его описания в этих различных контекстах. Декларированная в контекстном подходе необходимость *дополнительности контекстов в психологическом исследовании* диктуется самим объектом изучения.

Человеческая психика (а тем более человек как целостное био-психо-социокультурное существо) представляет собой сложный объект изучения – не только сложноструктурный, но и сложно-детерминированный, к тому же динамический. Это требует применения к исследованию человеческой психики современной методологии *сложности* (Ф. Варела, К. Майнцер, У. Матурана, Э. Морен, Г. Николис, И. Пригожин, В.И. Аршинов, В.Э. Войцехович, Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов, А.П. Назаретян, Я.И. Свирский). Собственно, сложной системой в определении Р. Арзуманяна является та, которая «имеет два или более не перекрещивающихся описания», что «исключает возможность существования универсального метода познания» [Арзуманян 2010, 19, 13].

Разработавший *эпистемологию сложности* Э. Морен полагает, что современное знание должно строиться на *сложном мышлении* (холистическом, сложносистемном) и обладать характеристиками *контекстуальности* и *комплексности* (в которую входят, в частности, многомерность, голографичность, системность, экологичность, рекурсивность, диалогизм, метафоричность и признание собственного несовершенства) [Князева, 2005]. Все эти характеристики, действительно, встречаются и в различных исследованиях психического.

Очевидно, что многоаспектное исследование изучаемого явления на основе принципа дополнительности соответствует требованиям *системного подхода* в психологии (Б.Г. Ананьев, В.А. Барабанщиков, В.А. Ганзен, В.П. Кузьмин, Б.Ф. Ломов). В развитие этого подхода и концепции *многообразия связей человека с миром* (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, В.Н. Мясищев, С.Л. Рубинштейн) отечественные

исследователи подчеркивают необходимость дополнительного описания предмета исследования в различных системах отношений.

Так, С.Л. Рубинштейн утверждал: «Включая объекты мысли в новые связи, мы как бы поворачиваем их каждый раз другой стороной, выявляем в них новый аспект, как бы “вычерпываем” из объекта все новое содержание...» [Рубинштейн 1989, 440]. И здесь следует отметить, что в процессе формирования своей концепции Н. Бор колебался в выборе ключевого термина между словами «*Complementarity*» («дополнительность») и «*Reciprocity*» («взаимность», «обобщность»). Сопоставляя их семантическое наполнение, А.Р. Познер приходит к выводу, что первый термин больше акцентирует *взаимоисключающую дополнительную*, тогда как второй акцентирует *равноправность, симметричность* противоположных определений [Познер 1997, 20]. Поэтому С.В. Остапенко вполне справедливо утверждает, что принцип дополнительности «...отною не обязательно предполагает гегелевское “раздвоение единого”, возможны не только две, а три и более взаимодополняющие системы исследования, каждая из которых внутренне логически непротиворечива и внешне толерантна к своим дополняющим» [Остапенко 1976, 44].

Э.Д. Шукуров также считает, что принцип дополнительности предполагает достижение целостности моделирования исследуемого объекта при одновременном использовании несовместимых приемов исследования. И даже внешне противоречивые модели могут рассматриваться как взаимно дополнительные, поскольку они описывают различные стороны, аспекты одного и того же объекта [Шукуров 1969].

С позиций системно-генетического представления о психике В.А. Барабанщиков отмечает, что принцип дополнительности необходим в современной методологии, потому что каждая теория ориентирована на целостное непротиворечивое описание изучаемого объекта, но ее познавательные возможности оказываются ограниченными, а «...действительная природа явления реконструируется путем синтеза его различных “проекций”» [Барабанщиков 2007, 278]. О проекциях сложного объекта исследования на разные теоретические «плоскости» писал и В. Франкл в своей концепции *дизенциональной онтологии*, указывая, что проекция человека в «биологическое измерение» обнаруживает соматические явления, тогда как проекция в «психологическое измерение» обнаруживает в нем же явления психические [Франкл 1990, 48–50]. Это типично дополнительная картина изучаемого (сложного) объекта.

В соответствии с требованиями системного подхода В.А. Ганзен также полагал необходимым для психологии дополнительное описание одного и того же явления: «В зависимости от основания дополнительности полный набор может быть представлен двумя и более описаниями. В этом случае возникает проблема их “стыковки”. Объективность факторов, приводящих к множественности описаний, делает несерьезными претензии на единственность описания, а определение типа отношений между описаниями помогает установить их место среди других описаний и область их применения» [Ганзен 1984, 12]. В этом случае остается только определить *процедуру соотношения описаний*.

И такие попытки уже были сделаны. Так, в развитие идей Гегеля А.С. Майданов отмечает, что способом разрешения антиномий и парадоксов выступает *выявление меры*, в которой каждый из противоположных предикатов охватывает объект. Поэтому формально-логический закон непротиворечивости должен запрещать не всякие противоречивые суждения, а лишь те, которые представляют собой конъюнкцию *полнообъемных предикатов*. А.С. Майданов предлагает следующую *диалектико-синтетическую* формулировку логического закона непротиворечивости: «нельзя одному и тому же объекту или явлению приписывать два полнообъемных противоположных или даже непротивоположных предиката; приписывать можно лишь один полнообъемный или несколько частичных предикатов, составляющих вместе один полнообъемный предикат» [Майданов 1989, 66]. Тогда все частичные суждения об объекте будут являться дополнительными по отношению друг к другу.

В свою очередь, В.А. Мазилев справедливо полагает: ученый, создавая научную теорию, должен понимать, что каждая концепция должна иметь свою сферу применения,

«зону адекватности». Соответственно, исследователи должны выработать у себя толерантность к инаковости взглядов коллег и концентрироваться не на противоречиях, а на поиске сходства концепций [Мазиллов 2013, 30]. В качестве основы для сравнения автор предлагает использовать *интегративную когнитивную методологию психологической науки* на основе общей схемы психологического исследования, включающую этапы от проблемы до теории.

При этом, на наш взгляд, необходимо делать акцент именно на «*границах применимости*» (адекватности) тех или иных теоретических построений (равно как и психологической практики). Следовательно, необходимо указывать теоретический (методологический) *контекст постановки проблемы и выбора метода исследования* и в результате методологической рефлексии соотносить эти теоретические контексты – по охвату, способу представления психического, сфере проявления.

В психологии подобный взгляд уже нашел свое выражение, что означает его подспудное формирование в умах многих исследователей. Например, В.П. Трусов предлагает при описании теорий личности придерживаться *контекстуализма*, то есть учитывать как внутренний (возрастной) контекст жизнедеятельности личности, так и контекст концептуального аппарата, описывающего тот или иной подход к личности. В этом случае при сопоставлении различных теорий личности оказывается, что «нет неверных теорий, есть неточные представления о сфере применимости той или иной из них, их широте и специфичности» [Трусов 1991, 64]. В сходном ключе А.В. Голубев на основе развития принципа дополнительности предлагает принцип «*эвристической контекстуальности*», подчеркивая, что «исходной посылкой при этом является признание поликонтекстуальности феноменов культуры, многозначности их смысла» [Голубев 2002, 26].

Подобную эпистемическую позицию, не отдающую предпочтение ни одной частной точке зрения, К. Уилбер называет «*поликонтекстная восприимчивость*» и «*интегральный аперспективизм*» [Уилбер 2004, 216, 220]. Это означает «неслиянную нераздельность» всех возможных точек зрения на объект, рассмотрение его во всех возможных контекстах, что обеспечивает максимально достижимую в данных условиях полноту восприятия этого объекта.

В свою очередь, В.Ю. Кузнецов обоснованно полагает, что онтологическое единство мира с наибольшей полнотой может отображаться только в единстве человеческой культуры посредством всей совокупности взаимодействующих и дополняющих друг друга концепций и дискурсов. Он предлагает собирать совокупность методов исследования как аналог гипотетического *мета-метода* посредством «*стратегии сплавщика*» (О.И. Генисаретский), суть которой – «управляемый дрейф» по различным концепциям. В результате возникает набор технологий концептуализации, которые допускают различные способы комбинирования, благодаря чему оказывается возможным осуществить различные их сборки и развертки [Кузнецов, 2014].

Непосредственно с позиций контекстного подхода О.И. Щербакова впервые предложила проводить анализ результатов исследования в различных контекстах [Щербакова 2006, 41–42]. В наших работах [Вербицкий, Калашников 2010; Калашников 2019] контекстный подход приобрел более конкретные очертания такого мета-метода. Несомненно, работа в этом эвристичном направлении должна быть продолжена, и она должна быть философски и методологически фундирована.

В этой связи следует отметить, что И.Т. Касавин ставит проблему контекстуализма как *методологической программы* развития философии познания [Касавин 2005; Касавин 2008]. При этом он указывает, что «...анализ понятия “контекст”, типология контекстов, связь многообразных контекстов с текстом и дискурсом, как правило, не находится в фокусе интереса ученых-гуманитариев. Этот материал заслуживает философско-методологического исследования, которое делает пока еще первые шаги» [Касавин 2005, 197]. В развитие этой идеи В.Н. Порус также представляет развитие философии науки именно как переход от *контекстуализации проблем науки* к философской проблематизации *контекстов научного познания* [Порус 2018]. Предлагаемый

нами *контекстный подход к психологическому исследованию*, хотя и возник на иных методологических основаниях, но фактически находится в русле реализации данной программы – в аспекте методологии психологической науки (при возможности его применения и в качестве методологии гуманитарных исследований в целом).

Таким образом, контекстный подход к психологическому исследованию с неизбежностью включает в свою методологию принцип дополнительности, как это показано в работе [Калашников 2019, 260–298]. Описание исследуемого явления в различных контекстах, «смена оптики» исследования (А.Г. Асмолов, Г.С. Батыгин, М.С. Гусельцева) дает различные картины единственного объекта, каждая из которых позволяет раскрыть одну из его граней. Поскольку данные описания являются заведомо неполными, системная полнота моделирования изучаемого явления требует их дополнительности. Соответственно, контекстный подход к исследованию заключается в анализе и выделении тех контекстов, в которых получено конкретное психологическое знание. За счет соотнесения этих контекстов (например, как это сделано в [Калашников 2019, 318–341]), можно свести в целостную картину описания, полученные в разных методологических «системах координат», без их прямого противопоставления и с указанием границ применимости (истинности) каждого из них.

Применение в психологии принципа дополнительности – это методологический ответ как упрощенческому редукционизму, так и безграничному плюрализму, преодоление неупорядоченно-ризоматического разрастания научных концепций, разноречивое многообразие которых не столько проясняет, сколько размывает предмет исследования. Это способ конструктивного выхода из ситуации, когда сложность изучаемого объекта и присущая ему диалектическая противоречивость не поддается однозначному описанию. Контекстный подход к психологическому исследованию предполагает возможность нередуктивного и взаимодополнительного сочетания моделей разного уровня и разного типа, что обеспечивает концептуальное пространство для конструирования многомерного целостного представления о психике и различных ее частных аспектах.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Бор 1961 – Бор Н. Квантовая физика и философия // Бор Н. Атомная физика и человеческое познание / Пер. с англ. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. С. 139–147 (Bohr, Niels, *Quantum physics and philosophy*, Russian Translation).

Бор 1971 – Бор Н. О понятиях причинности и дополнительности // Бор Н. Избранные научные труды. В 2 т. / Пер. с англ. Т. 2. М.: Наука, 1971. С. 391–398 (Bohr, Niels, *On the concepts of causality and complementarity*, Russian Translation).

Вербицкий 1987 – Вербицкий А.А. Концепция знаково-контекстного обучения в вузе // Вопросы психологии. 1987. № 5. С. 31–39 (Verbitsky, Andrej A., *Concept of sign-contextual learning in higher education*, in Russian).

Вербицкий 1991 – Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М.: Высшая школа, 1991 (Verbitsky, Andrej A., *Active learning in higher education: a contextual approach*, in Russian).

Гальперин 1976 – Гальперин П.Я. Введение в психологию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. (Galperin, Petr Ya., *Introduction to psychology*, in Russian).

Ганзен 1984 – Ганзен В.А. Системные описания в психологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. (Gansen, Vladimir A., *System descriptions in psychology*, in Russian).

Майданов 1989 – Майданов А.С. Научное мышление и проблема противоречия // Творческое мышление в научном познании / Отв. ред. А.С. Майданов. М.: ИФ РАН, 1989. С. 46–84 (Maydanov, A.S., *Scientific thinking and the problem of contradiction*, in Russian).

Мирская, Шульман 1982 – Мирская Е.З. О характере социальной детерминации научного знания // Социология науки в СССР: вопросы теории и практики. (Сб. докл. сов. ученых к X Всемир. социол. конгр., Мехико, авг. 1982 г.) / Редкол.: В.Ж. Келле и др. М.: ИСИ, 1982. С. 39–53 (Mirskaya, E.Z., *On the nature of social determination of scientific knowledge*. In *Sociology of science in the USSR: issues of theory and practice*, in Russian).

Остапенко 1976 – Остапенко С.В. Философский статус принципа дополнительности // Принцип дополнительности и материалистическая диалектика / Отв. ред. Л.Б. Баженов. М.: Наука, 1976. С. 41–46 (Ostapenko, S.V., *The Philosophical status of the complementarity principle*, in Russian).

Познер 1997 – Познер А.Р. Дополнительность как метод научного исследования // Принцип дополнителности и материалистическая диалектика. М.: Наука, 1976 (Posner, A.R., *Complementarity as a method of scientific research*, in Russian).

Психология... 1981 – Психология и педагогика высшей школы: проблемы, результаты, перспективы. Круглый стол // Вопросы психологии. 1981. №3. С. 20–21 (*Psychology and pedagogy of higher education: problems, results, prospects. Round table discussion*, in Russian).

Рубинштейн 1989 – Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. В 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1989 (Rubinstein, Sergey L., *Fundamentals of General psychology in two volumes. Vol. 1*, in Russian).

Трусов 1991 – Трусов В.П. Контекстуализм в исследованиях психологии личности // Человек в зеркале наук: Труды методологического семинара «Человек»: Межвуз. сб. / Под ред. А.О. Боронова. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1991. С. 63–77 (Trusov, V.P., *Contextualism in the study of psychology of personality*, in Russian).

Франкл 1990 – Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник / Пер. с англ. и нем. М.: Прогресс, 1990 (Frankl, Viktor, *Man in search of meaning*, Russian Translation).

Шукуров 1969 – Шукуров Э.Д. О связи моделирования с принципом дополнителности // Проблема модели в философии и естествознании / Отв. ред. А.А. Брудный. Фрунзе: Илим, 1969. С. 16–28 (Shukurov, E.D., *On the relationship of modeling with the complementarity principle*, in Russian).

Primary Sources

Knorr-Cetina, Karin (1981) *The Manufacture of Knowledge. An Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science*, Elsevier Science Limited, N.Y.

Macintyre, Robert (1985) “Psychology’s fragmentation and suggested remedies”, *International Newsletter of Paradigmatic Psychology*, Vol. 1, pp. 20–21.

Reichenbach, Hans (1961) *Experience and Prediction: An Analysis of the Foundations and the Structure of Knowledge*, Phoenix Books, The University of Chicago Press, Chicago.

Ссылки – References in Russian

Арзуманян 2010 – Арзуманян Р. Сложное мышление и наука сложности // 21-й век. 2010. № 4/16. С. 12–38.

Асмолов, Гусельцева 2015 – Асмолов А.Г., Гусельцева М.С. Кому и как разрабатывать методологию психологии? // Сибирский психологический журнал. 2015. № 55. С. 6–45.

Барабанщиков 2007 – Барабанщиков В.А. Принцип системности и современная психология // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Институт психологии РАН, 2007. С. 268–285.

Вербицкий 2005 – Вербицкий А.А. Контекст (в психологии) // Общая психология. Словарь (Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в 6 т.) / Ред.-сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского. М.: ПЕР СЭ, 2005. С. 137–138.

Вербицкий, Калашников 2010 – Вербицкий А.А. Калашников В.Г. Категория «контекст» в психологии и педагогике. М.: Логос, 2010.

Галухин 2014 – Галухин А.В. Стратегия атрибуторного контекстуализма в эпистемологии // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 8. С. 61–77.

Голубев 2002 – Голубев А.В. Этнополитическое исследование в контексте идей современной гуманитаристики: постановка проблемы // Вестник Самарского госуниверситета. Философия. 2002. № 3. С. 25–31.

Завершнева 2004 – Завершнева Е.Ю. Проблема кризиса в современной психологии: историко-методологическое исследование: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. М., 2004.

Зинченко, Пружинин, Щедрина 2010 – Зинченко В.П., Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Истоки культурно-исторической психологии: философско-гуманитарный контекст. М.: РОССПЭН, 2010.

Калашников 2019 – Калашников В.Г. Контекстный подход как методология психологического исследования. СПб.: Нестор-История, 2019.

Касавин 2005 – Касавин И.Т. Контекстуализм как методологическая программа // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. 6. № 4. С. 5–17.

Касавин 2008 – Касавин И.Т. Текст Дискурс Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М.: КАНОН+, 2008.

Князева 2005 – Князева Е.Н. Эдгар Морен в поисках метода познания сложного // Морен Э. Метод. Природа Природы / Пер. с фр. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 5–26.

Корнилова, Смирнов 2006 – Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2006.

Кузнецов 2014 – Кузнецов В.Ю. Единство мира в постнеклассическую эпоху // Вопросы философии. 2014. № 12. С. 150–160.

Латур 2002 – Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 1–32.

Лисина 2008 – Лисина Ю.А. О контекстуальности познания в современной англо-американской философии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 86. С. 28–32.

Мазилев 2013 – Мазилев В.А. Принцип соизмеримости теорий в психологии // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2013. Т. 19. № 4. С. 28–32.

Маркова 2010 – Маркова Л.А. Истина утрачивает свои доминирующие позиции в логике // Философия науки. 2010. Т. 15. № 1. С. 46–57.

Петренко 2005 – Петренко В.Ф. Основы психосемантики. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2005.

Порус 2018 – Порус В.Н. Контекстуализм в философии науки // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 2. С. 75–93.

Тарасов 2010 – Тарасов И.П. Контекстуальный подход к пониманию истины: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. Саратов, 2010.

Уилбер 2004 – Уилбер К. Интегральная психология: Сознание, Дух, Психология, Терапия / Пер. с англ. М.: Изд-во Ин-та трансперсональной психологии; Изд-во К. Кравчука, 2004.

Чеснокова 2014 – Чеснокова М.Г. О парадигмах психологической науки // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2016. № 4. С. 61–83.

Щербакова 2006 – Щербакова О.И. Контексты в конфликтологии. М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2006.

References

Arzumanyan, Rachya (2010) “Complex Thinking and the Science of Complexity”, *21st Century*, Vol. 4/16, pp. 12–38 (in Russian).

Asmolov, Alexander G., Guseltseva, Marina S. (2015) “Whom and How Is to Develop the Methodology of Psychology?”, *Siberian Journal of Psychology*, Vol. 55, pp. 6–45 (in Russian).

Barabanshchikov, Vladimir A. (2007) “The Principle of Consistency and Modern Psychology”, Zhuravlev, Anatoly, Yurevich, Andrei, eds., *Theory and Methodology of Psychology: Post-non-classical Perspective*, IPRAN, Moscow, pp. 268–285 (in Russian).

Brady, Michael and Pritchard, Duncan (2005) “Epistemological Contextualism: Problems and Prospects”, *The Philosophical Quarterly*, Vol. 55 (219), pp. 161–171.

Chesnokova, Milena G. (2016) “About Paradigms of Psychological Science”, *Moscow University Psychology Bulletin*, Vol. 4, pp. 61–83 (in Russian).

DeRose, Keith (1999) “Contextualism: an Explanantion and Defence”, Greco, John, Sosa, Ernest, eds., *The Blackwell Guide to Epistemology*, Wiley-Blackwell, pp. 187–205.

Galison, Peter (2008) “Ten Problems in History and Philosophy of Science”, *Isis*, Vol. 99, pp. 111–124.

Galuhin, Andrei V. (2014) “Strategy of Attributive Contextualism in Epistemology”, *Socialno-gumanitarnye Znaniya*, Vol. 8, pp. 61–77 (in Russian).

Golubev, Aleksandr V. (2002) “Ethnopolitical Research in the Context of Ideas of Modern Humanitarianism: Statement of the Problem”, *Vestnik of Samara University. Philosophy*, Vol. 3, pp. 25–31 (in Russian).

Kalashnikov, Vitalij G. (2019) *Contextual Approach as a Methodology of Psychological Research. Monograph*, Nestor-Istoriya, Saint Petersburg (in Russian).

Kasavin, Ilya T. (2005) “Contextualism as a Methodological Program”, *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 6, No. 4, pp. 5–17 (in Russian).

Kasavin, Ilya T. (2008) *Text. Discourse. Context. Introduction to the Social Epistemology of Language*, KANON+, Moscow (in Russian).

Knyazeva, Elena N. (2005) “Edgar Morin in Search of a Method of Cognition of the Complex”, Morin, E. *Method. Nature Of Nature*, Progress-Traditcija, pp. 5–26 (in Russian).

Kornilova, Tatyana V., Smirnov Sergey D. (2006) *Methodological Foundations of Psychology*, Piter, SPb (in Russian).

Kuznecov, Vasilij Yu. (2014) “Unity of the World in the Post-classical Era”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 12, pp. 150–160 (in Russian).

Latour, Bruno (1983) “Give me a Laboratory, and I will Raise the World”, Knorr-Cetina, Karin, Mulkay, Michael, eds., *Science Observed: Perspectives on the Social Study of Science*, Sage, London and Beverly Hills, pp. 141–170 (Russian Translation).

Lisina, Yuliya A. (2008) “On Contextuality of Knowledge in Modern Anglo-American Philosophy”, *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, Vol. 86, pp. 28–32 (in Russian).

- Markova, Lyudmila A. (2010) "Truth Loses its Dominant Position in Logic", *Philosophy of Science*, Vol. 15, No. 1, pp. 46–57 (in Russian).
- Martin, Jack (1996) "The "Top Ten" Problems of Psychology. History and Philosophy of Psychology Bulletin", *Newsletter of section 25 Canadian Psychological Association*, Vol. 8 (1), pp. 4–10.
- Mazilov, Vladimir A. (2013) "The Principle of Commensurability of Theories in Psychology", *Vestnik of Kostroma State University*, Vol. 19, No. 4, pp. 28–32 (in Russian).
- Petrenko, Viktor F. (2005) *Fundamentals of Psychosemantics*, 2nd ed., Piter, St. Petersburg (in Russian).
- Porus, Vladimir N. (2018) "Contextualism in the Philosophy of Science", *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 55, No. 2, pp. 75–93 (in Russian).
- Scherbakova, Olga I. (2006) *Contexts of Conflict: Monograph*, Sholokhov Moscow State University, Moscow (in Russian).
- Tarasov, Ilya P. (2010) *Contextual Approach to Understanding the Truth*, Diss. cand. in Philosophy, Chernyshevskij Saratov State University, Saratov (in Russian).
- Verbickij, Andrej A. (2005) "Context (in Psychology)", Petrovsky, Artur, Karpenko, Lyudmila, eds., *General Psychology. Dictionary. The Psychological Lexicon. Encyclopedia in 6 vol.*, PER SE, Moscow, pp. 137–138 (in Russian).
- Verbickij, Andrej A., Kalashnikov Vitalij G. (2010) *Category "context" in psychology and pedagogy*, Logos, Moscow (in Russian).
- Wilber, Ken (2000) *Integral Psychology*, Shambhala, Boston (Russian Translation).
- Zavershneva, Ekaterina Yu. (2004) *The Problem of Crisis in Modern Psychology: Historical and Methodological Research*: Diss. cand. in Psychology, Lomonosov Moscow state University, Moscow (in Russian).
- Zinchenko, Vladimir P., Pruzhinin, Boris I., Schedrina, Tatyana G. (2010) *The Origins of Cultural and Historical Psychology: Philosophical and Humanitarian Context*, ROSSPEN, Moscow.

Сведения об авторах

ВЕРБИЦКИЙ Андрей Александрович – академик Российской академии образования, доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, профессор; профессор Московского педагогического государственного университета.

КАЛАШНИКОВ Виталий Григорьевич – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления экономического факультета Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета.

Author's Information

VERBITSKY Andrej A. – Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Psychological Sciences (Ph.D. in Psychology), Professor of Moscow State Pedagogical University.

KALASHNIKOV Vitaly G. – CSc in Psychological Sciences, Associate Professor in Department of Economics and Management, Branch of the State University of Bashkortostan in Sterlitamak.